
ТАЙНА РОЖДЕНИЯ

Рождение Афанасия Фета связано с обстоятельствами запутанными и в некоторых деталях до сих пор остающимися неясными. Его мать Шарлотта Елизавета Фёт, урожденная Беккер, родилась в 1798 году в столице провинциального немецкого герцогства Гессен-Дармштадтского. Ее отец и, соответственно, дед Фета Иоганн Карл Вильгельм Беккер, 1865 года рождения, лютеранин, служил в Дармштадте в должности обер-кригскомиссара. Мать, Генриетта Кристина, урожденная баронесса фон Гагерн, скончалась в 1801 году, когда дочери было три года. Шарлотта была младшим ребенком в семье. Старший брат Карл Вильгельм родился в 1788-м, был смотрителем лесничества Бессунгского и Дармштадтского леса, позднее — окружным лесничим округа Фюрт; второй брат Эрнст Фридрих Георг, 1795 года рождения, одно время был книгопечатником в Дармштадте. Третий брат Август Георг Теодор родился в 1796 году и скончался во время обучения в артиллерийском корпусе великого герцога Гессен-Дармштадтского в 16 лет.

Судя по всему, семья была достаточно состоятельная. Согласно составленной в 1834 году описи «дворового места великогерцогского кригскомиссара Беккера, состоящего в Рейнской улице (Rheinstraße)», «место сие содержит в себе... 53 квадратных клафтера*, на коих находятся: трехэтажный дом... с погребом со сводом и бревенчатый двухэтажный флигель, в коем можно жить; двухэтажное заднее строение; флигель и поперечное строение в один этаж с мансардовою кровлею и многие дровяные сараи; один колодезь с насосом и два текущие колодезя; а также сад в 87 квадрат[атных]

---

* Клафтер — единица измерения длины. Гессенский клафтер равен 2,5 метра.

клафтеров, кои все вместе по настоящей цене полагаются в 24 000 гульд[енов]»¹ (правда, дом был куплен благодаря займу в 15 тысяч гульденов у кандидата науки о лесоводстве Иоганна Петра Фишера под пять процентов годовых). В социальном отношении семья была скорее бюргерская (ее глава был сыном дармштадтского булочника), хотя и имела аристократические связи и корни. Об образе жизни Беккеров сведений мало, но можно утверждать, что они были не чужды благочестия — хорошо знали Библию — и культурных интересов: в доме несомненно имелись книги, читались произведения Гёте и Шиллера, а также писателей-романтиков.

В мае 1818 года двадцатилетняя Шарлотта Беккер вышла замуж за своего земляка Иоганна Петера Карла Вильгельма Фёта, католика, старше ее на девять лет. В то время он служил по тому же ведомству, что и тесть, а затем занял должность обер-ассессора городского суда. Трудно судить, насколько брак был равным. Скорее всего, Иоганн имел еще более скромное происхождение и был небогат. Сохранилось прошение великому герцогу, в котором Фёт просит в связи с серьезными материальными трудностями подарить ему две тысячи гульденов, при этом называя себя пансионером августейшей особы, бывшей, по его выражению, «с 1805 года моим всемилостивейшим содержанием и приемным отцом», по распоряжению которого «до конца 1817 года оплачивались за меня все жизненные потребности, вплоть до дающих свет серных нитей». Фёт признавался: «Именно Ваше всемилостивейшее участие подвигло меня к учению, дабы я мог со временем зарабатывать на хлеб наукой, которую не похитят человеческое насилие или несчастный случай»². Этот документ побуждает иных исследователей, не могущих смириться, что родители великого русского поэта — заурядные дармштадтские бюргеры, считать Иоганна Фёта незаконным сыном кого-то из представителей августейшей семьи, а возможно, и самого великого герцога Людвига I. Каких-либо дополнительных свидетельств в пользу такой гипотезы не имеется. В завещании Иоганн называет своими родителями существенно более скромных особ: «...мой отец Иоганн Фёт и моя мать Сибилла, урожденная Миленс, проживающие в Кельне...»³

Из каких резонов был заключен брак, неизвестно. Молодожены из-за недостатка средств на приобретение собственного жилья, соответствующего статусу семьи, с которой Иоганн Фёт породнился, поселились в доме Беккеров.

Отец семейства даже приобрел для них дорогую мебель, по его словам, достойную его дочери. (Позднее эта мебель станет источником недоразумений: как будет жаловаться великому герцогу Иоганн Фёт, он полагал, что получил ее в качестве приданого, в то время как тесть считал, что оплатить ее должен зять.) Как протекала семейная жизнь Иоганна и Шарлотты, судить трудно. По одним утверждениям, муж оказался пьяницей и грубияном, чуть ли не избивавшим супругу, по другим — брак был основан на «горячей любви» и супруги жили душа в душу. В любом случае не характер мужа был источником опасности для семейного благополучия. Угроза исходила от жены. Что-то в душе Шарлотты не смирялось с заурядностью окружения. У нее были какие-то неясные мечты и порывы, отчасти спровоцированные романтической литературой, отчасти усиленные особенностями психики, видимо, с детских лет неуравновешенной, склонной к иррациональным и непредвиденным поступкам, в которых, к сожалению, нельзя не увидеть раннее предвестие душевной болезни (возможно, наследственной). Супружеская жизнь текла своим чередом: в 1819 году Шарлотта родила дочь Каролину Шарлотту Георгину Эрнестину, которую не только дома, но и в официальных документах называли Линой; а в начале 1820 года уже носила второго ребенка, появления которого на свет ожидали в середине осени. Однако молодая женщина, видимо, была угнетена — не столько грубым мужем, сколько средой — и ожидала возможности «вырваться». Этим, вероятно, и объясняется драма, развернувшаяся на третий год супружества Шарлотты и Иоганна Фёт.

Воплощением мечты Шарлотты о какой-то высшей жизни стал человек, в общем, совершенно не выдающийся и в другом месте, кроме захолустного Дармштадта, никак не сошедший бы за романтического героя и не послуживший бы объектом бурных страстей — холостой русский орловский помещик средней руки Афанасий Неофитович Шеншин (1775—1855). Он был представителем довольно древнего дворянского рода — его предки упоминаются с XIV века. Правда, дворянство они получили только в XVII столетии при царе Михаиле Федоровиче Романове, даровавшем его Артемию Васильевичу Шеншину за доблесть в сражениях с поляками в Смутное время⁴. Афанасию Шеншину принадлежало несколько небольших поместий в Орловской губернии. Ко времени приезда в Дармштадт ему исполнилось 44 года, он был небогат, имел незначительную внешность.

Его прошлое тоже не выглядело романтическим — в составе Новороссийского драгунского полка он участвовал в кампании 1805—1807 годов против наполеоновской Франции и вышел в отставку по болезни ротмистром Волынского уланского полка в 1809 году. С тех пор, преимущественно занимаясь хозяйством, он исполнял должность мценского уездного судьи, с 1815 по 1818 год был уездным предводителем дворянства, уволился с этой должности незадолго до приезда в Дармштадт, опять же «по болезни».

Видимо, намерение лечить эти не известные нам «болезни», не помешавшие Шеншину прожить еще более тридцати лет, и привело его в немецкое захолустье. Поскольку свободных номеров в гостинице не оказалось, его по тогдашнему обыкновению поселили в доме Беккеров. Вероятно, достаточно быстро постоялец стал почти членом семьи; во всяком случае с Иоганном Фётом и Эрнстом Беккером у него сложилась едва ли не дружба. Отношения же с Шарлоттой превратились в любовные. О том, как между ними возникло чувство, как протекал роман, как возникла идея бегства, как они смогли обмануть бдительность родни Шарлотты, нет никаких достоверных сведений, и фантазировать на эту тему мы не будем. Предположительно решение бежать было связано с отсутствием шансов на получение развода от Фёта обычным путем. И 19 сентября (1 октября)* 1820 года влюбленная пара покинула Дармштадт, оставив письма с объяснением произошедшего, извинениями и просьбами к отцу благословить новый союз (они были «найжены Эрнстом в незапертой Вашей (Шеншина. — М. М.) комнате»⁵). Письма, вероятно, содержали и обещание возместить моральный ущерб мужу и семье Шарлотты. Ее дочь Лина осталась с отцом и дедом. Прояхав через Польшу (у Шарлотты в памяти навсегда запечатлелись знаменитые соляные копи в Величке), парочка в сопровождении верного камердинера Шеншина, Ильи Афанасьевича, прибыла в Орловскую губернию, в поместье Козюлькино, вскоре переименованное хозяином в Новоселки.

Этот поступок, даже если сделать скидку на то, что совершили его потерявшие голову от безумной страсти влю-

---

* События, происходившие в Российской империи, датируются по юлианскому календарю, а за границей — по григорианскому. В случае двойной датировки первой указана дата по юлианскому календарю.

бленные, выглядит фантастически опрометчивым, в особенности со стороны Шеншина. Привезти из Германии чужую беременную жену, которая родит ребенка уже в России, означало получить серьезные проблемы, которые бегство не только не разрешало, но чрезвычайно усложняло. На успешные переговоры с оскорбленным мужем они, видимо, не надеялись. Дождаться родов в Германии означало оставить Фёту обоих детей — непереносимая ситуация для Шарлотты. Возможно, они считали, что своим бегством поставят Фёта в положение, в котором ему не удастся избежать развода. Если добиться его быстро, то можно заключить брак еще до того, как родится ребенок. Такой план выглядит чрезвычайно авантюрно и рискованно. В нем был изначальный изъян — любовники переоценили имевшееся в их распоряжении время (возможно, они ошибались относительно сроков беременности Шарлотты и одновременно не учли медлительность, с которой всё делается в России) и готовность оскорбленного супруга идти на компромисс.

Реакция Иоганна Фёта на бегство Шарлотты была естественной: он пришел в ярость. Он написал не одно письмо с упреками и угрозами, требуя личной встречи с обидчиком для объяснений и, возможно, дуэли. Чего он добивался, точно не известно; скорее всего, требовал возвращения жены с ребенком.

Семья Беккер, тоже понесшая серьезный моральный урон, тем не менее с самого начала заняла более трезвую позицию. В письме, написанном непрошеному «зятю» 7 (19) октября 1820 года, то есть практически сразу после бегства Шеншина с Шарлоттой, видно желание разрешить ситуацию, как можно меньше повредив дочери и ее детям. Отец объявляет ее невинной жертвой, к которой семья не потеряла ни капли любви и уважения («Крайне жалкое положение доброй, бедной и любимой моей дочери Шарлотты заслуживает, конечно, великих уважений, которые сохраняю я в отеческом сердце. <...> Мы, напротив, сохраним навеки к ней чистейшую любовь и почтение за превосходные ее качества, ибо вынужденное преступление не может их уничтожить одним ударом»⁶), которая доведена до нынешнего состояния злокозненными манипуляциями похитителя («Все, знающие с малолетства сию и всеми любимую женщину, утверждают, что употреблением ужаснейших и непонятнейших средств прельщения лишена она рассудка и до того доведена, что без предварительного развода оставила своего обожаемого мужа Фёта и горячо

любимое дитя, бросила престарелого и больного отца своего, к которому была привязана узами природы, любви и благодарности столько, что часто жертвовала своим здоровьем, сохраняя и услаждая жизнь его, наконец, покинула отцовский дом, место рождения, для того, чтоб ехать в дальние страны с посторонним человеком, которого знала она только несколько месяцев»⁷). Вся вина возлагалась на Шеншина (по утверждению Беккера, «человека распутного, закоренелого в пороках»⁸), являющегося единственным виновником происшедшего:

«Добрый и благородный человек, если он в здравом рассудке, не сделал бы того. Вы увезли дочь мою и при том беременную... Вы учинили сию чрезвычайную несправедливость против невинных и добрых людей, которые, свято уважая божеские законы и семейственные связи, не могли согласиться на Ваше буйное и бесстыдное желание разрушать оныя. <...> Мы приняли Вас как больного иностранца в свой дом с искренностию и любовью и поступали как с старинным другом, не предполагая, что согреваем в груди своей ядовитую змею, которая вместо благодарности уязвит нас жестоко и неизлечимо»⁹.

Однако в том же послании выражалась готовность способствовать разводу и последующему браку при обязательном условии выполнения тех материальных обещаний, которые дал Шеншин в своем письме. Угрожая едва ли не уголовным преследованием и опираясь на свою сильную позицию отца, без разрешения которого невозможен новый брак, а без посредничества — развод, Беккер не требовал возвращения дочери:

«Если Вы думаете, что не нужно Вам согласия моего на брак с Шарлоттою, если Вы не исполните обещания, мне письменно данного, то не остается мне иного делать, как принести на Вас жалобу присутственным местам российского государства с пожертвованием даже всего нашего имущества. Наш великий герцог охотно подкрепит нашу просьбу письмом своим к императору Александру и к матери его, вдовствующей императрице, а принцесса Вильгельмина Луиза к сестре своей, императрице Елисавете Алексеевне. Мы уверены, что российское правительство не оставит без наказания такой дерзости, в чужих краях учиненной, и для великой нации столь поносной. Не почитайте сего за безрассудную угрозу, а за обдуманное намерение — единственное средство к защите и спасению бедной моей дочери. Весь Дармштадт, все члены двора знают и по-

читают мою Шарлотту, теперь столь несчастную, образцом добродетели и благочестия. Им всем известно, что сия добрая дочь жертвовала всеми удовольствиями молодости и даже здоровьем для бедного отца своего, которого прихоти сносила с ангельским терпением. Вы обязаны сохранением своей жизни Шарлотте и нашей к ней любви. В противном случае сидели б Вы теперь в тюрьме и размышляли б о великости Вашего преступления»¹⁰.

Шеншин, получивший это письмо, скорее всего, в конце октября или самом начале ноября, ощущал себя в последней крайности, возможно, уже столкнувшись с непримиримой позицией Фёта, его несогласием на развод, и был рад прибегнуть к посредничеству Беккера, признавая себя практически единолично ответственным. В ответном письме от 3 ноября Шеншин не только через него обращается с увещеваниями к Фёту, но и клятвенно заверяет в святости данных финансовых обязательств: «Скажите г-ну Ф[ёту], что он для собственного своего спокойствия и для удостоверения, что он, как он говорит, желает или желал своего счастья, должен освободить ее, дать ей свободу. Если он не хочет сделать сего для нее, то должен он сделать это для своего детища, которое она скоро, очень скоро родит. Он должен освободить ее, развестись с нею. Скажите сами и прикажите также сказать и ему, могу ли я быть равнодушным к его участи? Я тогда возьму к себе дитя и буду отвечать перед Богом за его судьбу. О! Я буду иметь об нем попечение, как о своем собственном дитяти! Лина получит также по известному предположению обеспечения в 10 тысяч. Я клянусь в том перед Богом, и Ваша любезная дочь будет мне в том порукою»¹¹.

Получив эти заверения, папаша Беккер начал какие-то предварительные переговоры с Фётом. Однако было уже слишком поздно: 29 ноября Шарлотта Фёт родила сына. Перед невенчанной парой встала сложная проблема — ребенка необходимо было внести в метрические книги, обозначив имя и фамилию отца. Возможно, правильным решением было бы добиваться регистрации новорожденного как сына Фёта (поскольку сам Иоганн в это время, кажется, признавал его своим ребенком). Но, видимо, этот путь был неприемлем для Шарлотты, как мы полагаем, боявшейся утратить второго ребенка, поскольку в таком случае возникла опасность, что отец получит право вернуть его в Дармштадт. Скорее всего, такое решение было неприемлемо и для Шеншина, поскольку могло разрушить предназначен-

ную для окружающих легенду, что он привез из Германии не чужую жену, но законную супругу, с которой обвенчался там по лютеранскому обряду. В результате любовники приняли решение, казавшееся им временным выходом: Афанасий убеждает местного священника крестить младенца по православному обряду и записать его, Шеншина, законным сыном. В метрики села Успенского на Ядринах 1820 года за номером 19 была внесена запись: «Сельца Новоселок у помещика ротмистра Афанасия Неофитовича Шеншина родился сын Афанасий 1820 года ноября 29, а крещен 30 числа»¹². Это был несомненный для самого Шеншина и для всех замешанных в истории подлог.

Несмотря на то, что внешне по-прежнему удавалось сохранять вид законности связи Шеншина с Шарлоттой, развод оставался насущной задачей. В отчаянном письме от 29 декабря 1820 года Шеншин торопил папашу Беккера:

«Есть еще средство доставить нам всем совершенное удовлетворение. Старайтесь довести дело до развода. Тогда добрая и несчастная Лотта получит [в] легат (наследство. — М. М.) мельницу, притом 40 душ крестьян и 400 моргенов* земли, стоящей с лишком 35 [000] гульденов; в случае смерти моей это ее собственность. Как помещица может она, если пожелает, продать сие поместье. Лина получит легат в 10 000 гульденов, с коих проценты будут высланы ей по ее первому требованию, равно как и обесечение в сей сумме.

О добрый отец! Ради Бога, выхлопочите развод, пришлите бумагу по предмету, о котором не хочу говорить, добрая Лотта должна подписать ее. Вы знаете, что я не могу писать оной бумаге»¹³.

Далее в том же письме Шеншин предлагает способ решения вопросов: «Позвольте г[осподину] Эрнсту приехать сюда в половине марта месяца с документом о разводе. Я пошлю к 10 марту 500 гульденов на дорогу до Киева, где коляска с лошадьми будет его ожидать. Поверьте мне, что я готов сделать всё по желанию Вашему, всё, что только можно»¹⁴.

К этому моменту, видимо, Беккерам удалось достичь успеха в переговорах с Фётом, которому мысль о разводе перестала казаться совершенно неприемлемой. Однако ни тот, ни другие не были готовы удовлетвориться обещаниями и, прежде чем дать согласие на развод и новый брак,

---

* Морген — единица измерения площади, равная примерно 0,56 гектара.

требовали твердых обязательств и официальных документов. Шеншин согласился и на это. «Я клянусь Вам, — писал он Беккеру-старшему 15 (27) марта 1821 года из Москвы, — что сделаю всё по Вашему приказанию, разве только по обстоятельствам не буквально так, как Вы писали, однако ж всё; теперь приехал в Москву по делам, но Вы можете получить 500 гульденов годовых процентов от г-на ф[он] Ротшильда в Франкфурте-на-Майне; копию с акта, которую я, спустя несколько дней, заготовлю для Лины, получите Вы чрез две недели. Самый же подлинный документ перешлю с оказиею чрез Петербург, потому что он может по почте пропасть. Документ сей выдал я на 20 т[ысяч] российскими банковскими ассигнациями, что составит 10 000 гульденов. Я желаю быть вернейшим другом г[осподина] Фёта. Попросите г[осподина] Фёта, чтобы он написал ко мне несколько строк, но не так, как прежде»¹⁵.

Только после этого на семейном совете было решено отправить в Новоселки, как того желал Шеншин, Эрнста Беккера, чтобы получить обещанный вексель, а также разузнать, в каких условиях живут Шарлотта и младенец Афанасий. Эрнст был выбран, видимо, и в силу своего авторитета в семье, и как питавший к сестре особенно теплые чувства. Вероятно, и Фёт, пусть и неохотно, согласился на посредничество шурина, которому имел основания не доверять, подозревая, что он был на стороне беглянки и заботился больше о ее счастье, чем об удовлетворении ее оскорбленного супруга. В Россию Эрнст отправился (видимо, выждав, когда дороги станут проезжими) только летом 1821 года, наверняка воспользовавшись предложенными 500 гульденами и бесплатным экипажем от Киева до имени Шеншина.

Визит Эрнста Беккера в Новоселки — самое раннее воспоминание будущего поэта: «Первым впечатлением, сохранившимся в моей памяти, было, что кудрявый, темнорусый мужчина, в светлосинем халате на черном калмыцком меху, подбрасывает меня под потолок, и мне было более страшно, чем приятно»¹⁶. Через короткое время пребывания в Новоселках Эрнст сообщил Фёту, что Шарлотта «выздоровела», весела и довольна, что Афанасия очень любят и заботятся о нем лучше тысячи отцов, и уговаривал отказаться от мстительных планов и согласиться на развод:

«Клянусь тебе, любезный Фёт, если б ты мог быть здесь и видеть, как Ш[еншин] мучается и хлопочет, чтобы устроить всё по твоему и всех нас желанию, как он страждет от-

того, что теперь не может сделать так, как бы ему хотелось, и если бы ты видел, как он печалию сдается, — ты пожалел бы об нем и охотно помог бы ему, если бы то было тебе возможно. Тогда смягчил бы ты все прежние угрозы, коих, если бы то и нужно было, даже масонам не удалось бы привести в действие в здешнем краю и при здешних нравах. Хотя сии угрозы для благоразумного и спокойного человека там не много значат, а здесь — еще менее, однако ж они не дают покоя бедной Лотте ни день, ни ночь. Если бы ты в подробности знал, с какими трудностями сопряжено в здешнем краю путешествие, которое, сверх того, уже ради детища не может предпринято быть прежде, как спустя год, ты не упомянул бы ни слова о предложенном свидании и о расторжении брака только после такового свидания»¹⁷.

Далее он сообщал, что Шеншин согласился выполнить все условия и, написав в присутствии Эрнста вексель «для Лины», обещал в ближайшем будущем прислать 500 гульденов. Завершал письмо шурин просьбой «действовать скоро»¹⁸.

«Действовать скоро» не удалось. Эрнст Беккер то ли на целых полгода задержался в Новоселках, то ли приезжал дважды (и именно его второй приезд и запомнил совсем крохотный племянник). Во всяком случае, следующее (и последнее известное нам) письмо Эрнста из Новоселок датировано 19 (31) марта 1822 года. Судя по его содержанию, к этому моменту сопротивление Фёта практически удалось сломить, и он был готов дать развод: «Любезный Фёт, ты сделал великое, прекрасное начало, и я предчувствую, что окончишь все совершенно. Я знаю твои благоразумные идеи, твои твердые правила в сем отношении, и я мог ожидать, что ты, в случае нужды, сделаешь гигантский шаг, однако ж со всем тем был я изумлен и должен был удивляться присутствию твоего духа; ибо при лучших правилах требуется великий дух, чтобы пренебречь всеми толками, мнениями и предрассудками, хотя они и пусты и ничтожны и разве[и]ваются ветром»¹⁹. Писавший его в Вербное воскресенье, проникнувшийся духом любви к человечеству Эрнст призывал (видимо, не без задней мысли) и Фёта воспылать всепрощающей любовью. Письмо проникнуто религиозно-романтическим прекраснодушием (цитируется даже фрагмент из оды «К радости» Шиллера), под влиянием которого автор выражал надежду, что Шеншин и Фёт «прострут» друг другу руки, а Шарлотта встретится с последним «там, где сам Бог обитает»²⁰.

Уже почти согласившийся на развод Фёт был недоволен тем, как решились дела с Шеншиным. Приходилось убеждать его, что оформление векселя не на него, а на папашу Беккера является единственно возможным решением и никак не ущемляет его интересов: «Позволь еще, любезный Фёт, сказать тебе на размышление несколько сердечных, благонамеренных слов. Отец пишет, что ты, против всякого ожидания, очень недоволен распоряжением насчет твоей и нашей любезной Лины. Оставляя всё в стороне, спрашиваю только: может ли Шеншин при сих обстоятельствах, не вредя здесь во всяком отношении кредиту своему, объявить твое имя или кого-либо другого, кроме имени отца? Отец наш может ведь по твоему требованию сделать всякое распоряжение, а Шеншин, как я его знаю, будет всем доволен... Ты сам, любезный Фёт, видишь, что ты в сем отношении не можешь ничего переменить, если не хочешь навлечь на себя подозрение в недоверчивости, корыстолюбии или в другой слабости, что тебе, как я уверен, не свойственно. Я думаю, что отец для тебя довольно надежен, а насчет Шеншина можешь быть спокоен... Поверь слову друга и уповай на Того, Кто приводит всё к добру»²¹.

Видимо, эти аргументы подействовали. Когда Эрнст Беккер (видимо, в апреле) вернулся в Дармштадт с подписанными и заверенными обязательствами, дело о разводе быстро продвинулось. Шарлотта официально перестала быть женой Иоганна Фёта в ноябре того же года.

Еще до формального развода, видимо, уже получив устное согласие Фёта, Шеншин подал орловскому епархиальному начальству прошение, в котором, повторив легенду о якобы имевшем место венчании по лютеранскому обряду (которое, как он узнал только по приезду в Россию, с точки зрения российского законодательства является недействительным), просил обвенчать его с «второбрачной Шарлоттой Карловой дочерью, кригскомиссара службы великого герцога Гессенского Беккер, по первом муже Фёт»²², теперь уже по «правильному» православному обряду. После того как от вышеназванной Шарлотты Карловой было получено согласие принять православие, она была крещена, получив имя Елизавета Петровна, и 4 сентября состоялся обряд венчания ее с Афанасием Неофитовичем Шеншиным. Вскоре подоспели и официальные бумаги из Германии. Положению бывшей Шарлотты Фёт, а ныне Елизаветы Петровны Шеншиной более ничего не угрожало. А вот с ее уже почти

двухгодовалым сыном, записанным в метрики как Афанасий Афанасиевич Шеншин, дело обстояло иначе.

Несмотря на то, что отныне всё было легально и выглядело прилично (хотя, несомненно, злые языки нельзя было заставить замолчать), теперь уже законные супруги не могли не осознавать, что Афанасий стал Шеншиным в результате подлога, который не только *может быть* обнаружен в любой момент, но и непременно откроется при первом вступлении мальчика в официальную сферу — например, при поступлении в казенное учебное заведение. Очевидно, единственно возможным выходом было просить Фёта о признании ребенка его законным сыном. Добиться этого оказалось еще сложнее, чем получить развод. Возможно, Иоганн пожалел, что так легко отпустил изменницу-жену, и обида снова взяла верх над теми чувствами, которые в своих письмах старался пробудить в нем шурин Эрнст. Возможно также, что его оскорбило, что ребенка окрестили под другой фамилией и, прося признать его отцовство, не собираются возвращать. Но, вероятно, самой важной причиной была материальная — он по-прежнему был не согласен с тем, что вексель Шеншина на обеспечение Лины был выдан не ему, а отцу бывшей жены. Иоганн Фёт, мучимый подозрениями, потребовал у Беккеров передать ему вексель или переписать на его имя, но получил отказ. Чем в этом случае руководствовались родственники Шарлотты? Не исключено, что ими двигало желание оградить Шеншина от предъявления векселя к взысканию, к чему, скорее всего, намеревался незамедлительно прибегнуть Фёт. Отказ утвердил его в мысли, что он был попросту обманут бывшими родственниками, вступившими в сговор с Шеншиным. В результате Фёт наотрез отказался признать Афанасия своим сыном — вопреки очевидности, как утверждала Шарлотта, имея в виду, видимо, и сроки беременности, и, может быть, внешнее сходство (проверить это невозможно — изображений Иоганна не сохранилось). Против Беккеров же он начал судебный процесс, требуя вернуть ему вексель Шеншина, принадлежащий ему по праву опекуна несовершеннолетней Лины Фёт. Эту тяжбу он вел до конца жизни.

Впрочем, прожил Фёт недолго. С одной стороны, развод отчасти пошел ему на пользу — в 1824 году он женился во второй раз на гувернантке своей дочери Софии Генриетте Луизе Цан. С другой стороны, после того как он был вынужден выехать из дома Беккеров и лишился всякой

поддержки с их стороны, жизнь его складывалась трудно. В прошении великому герцогу о материальной помощи, которое Фёт написал 17 июня 1825 года, незадолго до смерти, он подробно описал тяжелые обстоятельства, в которые попали он и его старшая дочь:

«Но я самым неожиданным образом оказался безвинно повергнут в пучину долга в размере двух тысяч гульденов и не могу их оплатить. Произошло это потому, что отец моей сбежавшей позднее жены военный комиссар Беккер, под предлогом приданого, приобрел для меня мебель стоимостью 1200 гульденов, за которую, как он говорил, не будет стыдно дочери тайного советника. Однако после этого расплачиваться за нее он принудил меня. Поэтому я был вынужден взять займы капитал в размере 1500 гульденов под простую расписку у бургомистра Хофманна и городского старшины Йокеля как для расплаты за эту мебель, так и для приобретения необходимой одежды для моей жены, которую должен был бы оплатить ее отец. В дальнейшем, из-за бегства моей супруги, которое имело место 1 октября 1820 года, из-за расходов на приобретение собственной домашней утвари, связанных с последовавшим за этим моим переездом из дома Беккера, из-за необходимости ухода за моей дочерью... а также из-за почти непрерывного медицинского ухода... и совершенно расстроенного здоровья в течение дальнейшего несчастливого времени, я задолжал еще 500 гульденов... Я обязался ежегодно выплачивать 300 гульденов благородным господам Хофманну и Йокелю, при этом я плачу за квартиру ежегодно 200 гульденов, а врач и аптека стоят мне 100 гульденов! После этих расходов остается мне с моей новой женой, ребенком и служанкой всего 400 гульденов в год! Таким образом я не могу сдержать своего слова, не страдая от голода!»²³

Болезни быстро свели его в могилу. Скончался Иоганн Фёт 1 ноября 1825 года. Незадолго до смерти он составил завещание (датировано 12 октября), в котором назначил своими наследниками Лину и Луизу Цан и подтвердил свои притязания на вексель в десять тысяч гульденов, полученный, по его утверждению, «в подарок моей дочерью Линой от нынешнего супруга ее матери, моей прежней супруги, которые принадлежат мне как законному пользователю имущества моего ребенка»²⁴. «После долгих размышлений» он «раз и навсегда» исключил из числа опекунов Лины «ее деда с материнской стороны господина военного комиссара Беккера, а также всю его семью, равно как и моих ро-

дителей», и назначил опекунами «супругу Луизу, здешнего жителя и мастера по изготовлению музыкальных инструментов господина Кюхлера и торговца господина Цана, проживающего на углу Ритцштайна»²⁵. Более того, Фёт наказал им «противодействовать любым попыткам со стороны семьи Беккер воздействовать на Лину», а также «продолжать судебную тяжбу, которую я веду по этому поводу с господином военным комиссаром Беккером»²⁶. Младший сын в завещании Фёта не упомянут ни словом.

В следующем году скончался и другой ближайший немецкий родственник младенца Афанасия — его дед по материнской линии, очевидно завещав пресловутый вексель своим сыновьям.

Теперь дело об усыновлении приходилось вести с душеприказчиками Фёта и опекунами Лины. Они, с одной стороны, действовали жестко, с другой — более рационально, не руководствуясь личными обидами и желанием отмщения. В результате, по мнению современной исследовательницы И. А. Кузьминой (правда, строящей свою аргументацию на косвенных доказательствах), они согласились в обмен на уплату процентов по векселям или еще каких-то дополнительных сумм официально признать Афанасия сыном Фёта. Во всяком случае, представляется вполне возможным, что едва ли не в 1826 году супруги Шеншины получили бумаги, удостоверявшие, что воспитывавшийся в их доме Афанасий является сыном умершего дармштадтского подданного Иоганна Фёта. Тем не менее по каким-то причинам они не дали этим бумагам никакого хода, и подлинное происхождение мальчика по-прежнему оставалось семейной тайной, неизвестной и ему самому.

На этом отношения семьи Шеншиных с германскими родственниками не прекратились. Эрнст Беккер не забывал сестру и в целом благосклонно относился к Шеншину. Елизавета Петровна и ее муж вели с ним переписку, сообщая о самочувствии его племянника и его успехах в учебе. О каких-либо сношениях госпожи Шеншиной с дочерью до начала 1840-х годов неизвестно; скорее всего, они были практически невозможны из-за опекунов, во исполнение воли Фёта ограждавших его дочь от какого-либо влияния «Беккеров». Афанасий Неофитович, видимо, честно выполнял обещание и периодически высылал опекунам Лины через банк Ротшильдов казавшиеся ему справедливыми и достаточными суммы. Пока вексель находился у Эрнста Беккера, такая ситуация выглядела безопасной. Однако

этому обязательству, данному из-за отчаянного положения на сумму, явно разорительную для помещика средней руки, еще предстояло сыграть в жизни семьи Шеншиных роль своеобразного возмездия.

БАРЧОНОК

Сам Афанасий об этих драматических событиях, переговорах и судебных процессах не подозревал, не знал о своем подлинном происхождении и считал отцом Шеншина, хотя и имел сведения о немецком происхождении матери и живущих в Дармштадте родственниках по материнской линии и даже, видимо, изредка писал дяде Эрнсту. Детство его совсем не было идиллическим, и впоследствии он без всякой ностальгии вспоминал свои ранние годы.

Афанасия Неофитовича Шеншина нельзя было назвать богатым помещиком. От отца, Неофита Петровича, ему «по разделу достались: лесное, расположенное в семи верстах от Мценска Козюлькино, пустынное Скворчее в Новосильском уезде и не менее пустынный Ливонский Тим*, насчитывавшие в общей сложности около трехсот крепостных душ и 2200 десятин земли, «из коих 700 находилось в пользовании крестьян»²⁷. Однако, несмотря на утверждение в воспоминаниях Фета, что Шеншин был «превосходный хозяин», имение было расстроено долгами от карточной игры, которой он увлекался еще в годы военной службы. Сыграли свою роль и вынужденные выплаты опекунам Лины Фёт. Хозяйство велось в режиме строгой экономии и приближалось к натуральному — живых денег было мало, и покупные продукты старались использовать как можно реже: «За исключением свечей и говядины да небольшого количества бакалейных товаров, всё, начиная с сукна, полотна и столового белья и кончая всевозможной съестной провизией, было или домашним производством, или сбором с крестьян. Жалованье прислуге и дворне выдавал сам отец, но в каких это было размерах, можно судить по тому, что горничные, получавшие обувь, белье и домашнюю пестрядь на платья, получали кроме того, как говори-

---

* На самом деле имение, согласно документу от января 1838 года, называлось деревня Слободка «в 37-ми мужеска пола душах крестьян с землею, строением, усадьбами и мукомольною мельницею на речке Тим».

лось, на подметки, в год по полтинному»²⁸. Судя по всему, в таком положении хозяйство находилось на протяжении всего детства Фета и выбиться из него «прекрасному хозяину» Шеншину не удавалось — все доходы уходили на уплату «частных и казенных» процентов.

Из трех своих имений для постоянного пребывания с семейством его глава выбрал мценское Козюлькино и, «расчистив значительную лесную площадь на склоняющемся к реке Зуше возвышении, заложил будущую усадьбу, переименовав Козюлькино в Новоселки»²⁹. Как часто бывало, новосельская усадьба, «состоявшая первоначально из двух деревянных флигелей с мезонинами», была построена на искусственно насыпанном возвышении. «Флигели стояли на противоположных концах первоначального плана с несколько выдающимся правым и левым боками. Правый флигель предназначался для кухни, левый для временного жилища владельца, так как между этими постройками предполагался большой дом»³⁰. Задумано было с размахом, однако план оказался хозяину не по силам, и долгое время семейству приходилось «довольствоваться левым флигелем, получившим у нас название дома, а у прислуги хором. Что эти хоромы были невелики, можно судить по тому, что в нижнем этаже было всего две голландских печки, а в антресолях одна»³¹. Начинаясь дом с «просторных сеней, в которых была подъемная крышка под лестницею в подвал. Налево из этих теплых сеней дверь вела в лакейскую, в которой за перегородкой с балюстрадой помещался буфет, а с правой стороны вдоль стены поднималась лестница в антресоли. Из передней дверь вела в угольную такого же размера комнату в два окна, служившую столовой, из которой дверь направо вела в такого же размера угольную комнату противоположного фасада. Эта комната служила гостиной. Из нее дверь шла в комнату, получившую со временем название классной. Последней комнатой по этому фасаду был кабинет отца, откуда небольшая дверь снова выходила в сени. Нужно прибавить, что в отцовском кабинете аршина три в глухой стене были отгорожены для гардероба. Весь мезонин состоял из одного 10-ти аршинного сруба, разгороженного крестообразно на четыре комнаты, две поменьше и две побольше. Меньшие были девичьими, а из двух больших одна была спальною матери, а другая детской»³², вспоминал Фет. Со временем постоянное увеличение семейства вынудило Шеншина выстроить на месте предполагаемого большого дома небольшой одноэтажный флигель.

В памяти Фета остались несколько поездок в Мценск, куда Шеншин ненадолго ездил по делам и брал с собой всё семейство. Однако в основном детство будущего поэта прошло в новосельском имении, в скромном флигеле. Единственным хозяином, носителем непререкаемого авторитета в доме и семье был Афанасий Неофитович. Фету он запомнился человеком с не слишком привлекательной внешностью: «Круглое, с небольшим широким носом и голубыми открытыми глазами, лицо его навсегда сохранило какую-то несообщительную сдержанность. Особенный оттенок придавали этому лицу со тщательно выбритым подбородком небольшие сильною проседью бакенбарды и усы, коротко подстриженные. <...> Волосы с сильной проседью, которые он зачесывал с затылка на обнаженный череп... до глубокой старости, с тою разницей, что всё короче подстригал на затылке скудные седины, сохраняя те же стриженные усы и бакенбарды и ту же несообщительную сдержанность выражения»³³.

Глава семьи «большею частию спал на кушетке в своем рабочем кабинете, или был в разъездах по имениям»³⁴, «зачастую уезжал на Тим к бесконечному устройству дорогой плотины и крупчатки». Но и во время его отсутствия всё делалось с оглядкой на него, на его распоряжения, обычаи и правила. «Важные мероприятия в доме шли от отца, не терпевшего ничего вмешательства в эти дела. Было очевидно, до какой степени матери было неприятно решать что-либо важное во время частых разъездов отца», даже если речь шла всего лишь о покупке нового нанкового сюртука для дворового человека. Гастрономические предпочтения у Шеншина были простые: «Великим постом отец любил ботвинью с свежепросольною домашней осетриной, но особенно гордился хорошим приготовлением крошева (рубленой кислой капусты)» — и считал их вполне пригодными и для остальных членов семейства. Больших культурных интересов он не имел, хотя и невежественной деревенщиной его назвать было бы неверно: «Кроме “Московских Ведомостей” и “Вестника Европы”, никаких книг не выписывал»³⁵, — вспоминал поэт.

Видимо, Шеншин-помещик был суровым и притеснительным. Хотя Фет и говорит о «сравнительном благополучии» шеншинских крепостных, тем не менее зафиксированы жалобы на него его крестьян; впрочем, после разбирательства по ним Шеншин был оправдан.

Сдержанным и не склонным к сентиментальности он был и в семейной жизни. Едва ли не сразу по приезде

в Новоселки его пылкая страсть к Шарлотте остыла. «Но никогда я не видал ни малейшей к ней ласки со стороны отца. Утром при встрече и при прощании по поводу отъезда он целовал ее в лоб, даже никогда не подавая ей руки»³⁶, — пишет Фет. Куда делась любовь да и была ли она вообще (а если ее не было, то что заставило Афанасия Неофитовича вести себя так, как описано выше?), навсегда останется загадкой.

Столь же скупым на выражение чувств Шеншин был и по отношению к младшим членам семьи: «Изредка признаки ласки к нам, детям, выражались у него тем же сдержанным образом. Никого не глядя по голове или по щеке, он сложенными косточками кулака упирался в лоб счастливецца и сквозь зубы ворчал что-то вроде: “ну”...» Афанасий Неофитович не видел необходимости баловать детей — ни в гастрономическом, ни в развлекательном смысле. «Набравшись, как я впоследствии узнал, принципов Руссо, отец не позволял детям употреблять сахару и духов. <...> Отец не был против игр и даже беготни детей, но неприветливо смотрел на игрушки, даримые посторонними. “Не раздражайте желаний, говорил он; их и без того появится много; деревянные кирпичики, колчушки — самые лучшие игрушки”»³⁷, — вспоминал поэт.

Не исключено, впрочем, что педагогические идеи Руссо были ни при чем и метода Шеншина основывалась на той же экономии и нежелании лишних трат. Это ощущал и мальчик, которому такая «диета» с раннего детства доставляла массу унижений: «Помню, в какой восторг однажды пришел наш отец, которому ловкий Петр Яковлевич сумел с должным выражением рассказать, как мы с сестрою Любинькой, посаженные за детским столом в отдельной комнате, отказываясь от сладкого соуса к спарже, сказали: “это с сахаром, нам этого нельзя”. Конечно, отцу и в голову не приходило, какое чувство унижения он вселял в мое сердце, выставляя меня перед сторонними детьми каким-то парием. Тут дело было не в ничтожной сласти, а в бесконечном принижении»³⁸.

Трудно судить, выделял ли Шеншин Афанасия из других детей в семье; окрашивалось ли его отношение к старшему ребенку тем, что он не был его родным сыном. Если Афанасий Неофитович и смотрел на него по-особенному, думая о его месте в семье и о его будущем, то внешне это нивелировалось общей сдержанностью и строгостью, распространявшейся на всех членов семьи без разбора.

Положение дел, когда Шеншин был единственным авторитетом в семье, распространялось не только на вопросы быта, но и на планы на будущее детей. В вопросах определения их судеб Афанасию Неофитовичу не приходило в голову (несмотря на приписываемый ему Фетом «руссоизм») хотя бы в малой степени руководствоваться их склонностями и вкусами.

Шарлотта, а ныне Елизавета Петровна Шеншина — «стройная, небольшого роста, темнорусая, с карими глазами и правильным носиком»³⁹, — кажется, также (судя по воспоминаниям сына) никак не проявляла былых следов бурной страсти и решительности, приведших ее в Россию. Своего второго мужа она, подобно всем остальным членам семьи, боялась, полностью подчинилась его авторитету, практически не имея самостоятельного голоса ни в домашнем хозяйстве, ни в воспитании, ни в определении будущего детей, которых, конечно, искренне любила. Безусловно, она была культурнее и развитее супруга, сохранила те черты характера и вкусы, которые привели ее в Россию. Подруга Елизаветы Петровны и соседка по имени Варвара Михайловна Мансурова, по свидетельству Фета, снабжала ее книгами. Культурным запросам своих детей она симпатизировала существенно сильнее супруга, была более религиозна, чем он, но вера ее была скорее эстетически экзальтированная, чем глубокая и сознательная. Елизавета Петровна смирилась с необходимостью вести практически полностью натуральное хозяйство, требовавшее много времени и сил, а также с экономностью мужа, из-за которой не могла позволить себе даже простые женские удовольствия. Если бы не подарки доброго родственника, «у матери нашей, вероятно, не было бы ни одного шелкового платья»⁴⁰, вспоминал Фет.

Отсутствие влияния на детей было обусловлено также душевной болезнью, постепенно заставлявшей Елизавету Петровну всё больше времени проводить в постели. Фет вспоминал: «Бедная мать, утрачивая вместе с здоровьем и энергию, всё полнела, и хотя никогда не была чрезмерно толста, но по мере прибавления семейства всё реже и реже покидала кровать, обратившуюся наконец в мучительный одр болезни»⁴¹. Одним из проявлений недуга были тяжелые истерические припадки. В воспоминаниях и письмах Фет будет называть мать «бедной», «мученицей» и «страдалицей», имея в виду не только болезнь, но и тяжелую обстановку в семье, и выпадавшие на ее долю тревоги и заботы. Благодаря матери он знал немецкий язык как родной.

Болезнь не мешала Елизавете Петровне приносить потомство. Всего она родила Шеншину восьмерых детей. После Афанасия появилась на свет Анна, к которой он испытывал, как сам вспоминал, какую-то болезненную любовь, выражавшуюся в том, что он довольно сильно кусал девочку и его никак не могли от этого отучить; затем — Василий. Оба ребенка умерли в младенчестве; Василий как-то незаметно исчез из мира старшего брата, но предсмертная улыбка Анюты запомнилась ему навсегда. Вскоре, в мае 1824 года, Елизавета Петровна произвела на свет Любовь. В 1828 году в семье появился еще один мальчик, названный отцом — то ли от равнодушия, то ли по непонятной принципиальности — так же, как его умерший брат, Василием. Затем родилась еще одна девочка, которую опять же без всяких суеверий называли Анной. В 1832 году родилась Надежда, а последним, в следующем году, Петр. Эти дети были уже сильно младше Афанасия и большой роли в его детстве не играли — напротив, старший брат сыграл заметную роль в их детстве, и уважение и любовь к нему они сохранили на всю жизнь. Видимо, все с материнской любовью унаследовали ее склонность к культурным интересам, и немецкий язык, и свою долю наследственности. Все они были такими же бесправными перед отцом, всё решавшим за них. Каждый из них будет до конца ощущать себя жертвой отцовского произвола, и не все смогут преодолеть его влияние на свою судьбу.

Страх перед постоянно отсутствующим и вечно занятым отцом, жалость к больной матери, состояние которой постоянно ухудшалось, были, конечно, не единственными эмоциями, испытывавшимися мальчиком. Унылые годы без игрушек и сладостей (желудевый кофе, прописанный врачами брату Васе, страдавшему рахитом, радовал как величайшее лакомство, потому что туда клали сахар) скрашивались другими впечатлениями — благо русский усадебный быт предполагал присутствие в доме многочисленной челяди.

Как в жизни любого барчонка, большое место в жизни маленького Афанасия занимали дворовые, прислуга, хотя бы до некоторой степени распространявшая на него пиетет перед его отцом. Едва ли не самой экзотичной и даже отчасти загадочной персоной была «крещеная немка Елизавета Николаевна»⁴² — то ли экономка, то ли компаньонка матери. Не очень хорошо говорящая по-русски, эта женщина превратилась во всё знающую и вникающую во все обстоятельства «ключницу». Важным центром притяжения были

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru